

**КРЫМСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ
АМЕРИКАНСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
АЙН РЭНД (АЛИСЫ РОЗЕНБАУМ)¹**

Людмила НИКИФОРОВА

Евпаторийское культурно-просветительское общество
имени Анны Ахматовой
nikiforovall@rambler.ru

Михаил КИЗИЛОВ

Тюбингенский университет Эберхарда и Карла
mikhail.kizilov@gmail.com

1.

Эта американская писательница российского происхождения стала знаменитой в конце 50-х годов минувшего века и прочно заняла свое место в культурной истории США. Она и сегодня пользуется очень широкой известностью. После ее смерти, по мнению американского филолога-слависта Д. Бартона Джонсона, Айн Рэнд обрела статус современного классика американской литературы². Получив об этой американской писательнице хотя бы самые общие сведения, каждый будет ошеломлен грандиозностью ее личности, историей ее жизни, которая, оказывается, пересекалась с Крымом и Евпаторией.

Айн Рэнд – литературный псевдоним Алисы Зиновьевны Розенбаум (1905–1982), уроженки Петербурга, писательницы и философа, создательницы философского направления объективизма. По мнению американских исследователей, ее творческий гений оказал огромное влияние на политическую систему Америки, на формирование нового философ-

ского мышления у величайших людей в мире свободного предпринимательства. Суммарный тираж ее произведений превышает 30 миллионов экземпляров. Известно, что в 11 лет девочку заинтересовала политика. Нельзя не согласиться, что в России она стала свидетельницей многих исторических событий. В связи с заявленной темой, нам важно русско-еврейское происхождение Айн Рэнд, пребывание ее семьи в Крыму во время Гражданской войны и, что особенно важно, в период утверждения здесь советской власти.

Первое ее произведение – роман “Мы живые” (*We the living*), опубликованный в США в 1936 г., – и повесть “Тимн” (*Anthem*; 1938) посвящены советской тоталитарной системе и в значительной мере связаны с личным опытом и биографией автора. Со слов Д. Бартон Джонсона, Айн Рэнд писала русские романы по-английски, превращая традиционный русский воспитательный роман идей в нечто, условно названное критиком “капиталистическим реализмом”³. О первом романе “Мы живые” можно сказать, что он имеет явно автобиографический характер. Вершиной же беллетристического творчества писательницы является роман “Атлант расправил плечи” (1957).

Зима 1917–1918 гг. выдалась в Петрограде голодная и холодная. В 1917 г., как писала в одном из писем Анна Ахматова, “там завели обычаем ежемесячно поливать мостовую кровью граждан”⁴. Но вскоре “буря революционной борьбы замерла”, по словам Айн Рэнд, “безропотно и безнадежно” была признана победа красных. “Великий и страшный”, по М. Булгакову, 1918 г. грозил петербуржцам военным наступлением Германии. Второго марта немцы уже стреляли по Петрограду, и столицу тихо перенесли в Москву. Юг России в это время находился во власти Белой армии. Начался стихийный исход горожан из Питера на юг.

Отцом будущей писательницы был успешный петербургский буржуа, владелец крупной аптеки на Невском проспекте, Зальман-Вольф (Зиновий Захарович) Розенбаум. С приходом в Петроград большевиков его собственность была конфискована. Из города бежала вся семья Розенбаум: жена Хана Берковна (Анна Борисовна), в девичестве Каплан, зубной техник, три дочери Алиса, Наталья и Нора и сам глава семейства. По воспоминаниям будущей писательницы, зафиксированным в книге

Барбары Брэнден “Страсть Айн Рэнд”, это произошло осенью 1918 г. По дороге их поезд несколько раз останавливали бандиты, которые высаживали и обыскивали пассажиров. Зиновий Розенбаум успел спрятать ценности, и семья благополучно добралась до Одессы⁵.

Розенбаумы жили там до начала 1919 г., а потом отправились в Крым. Айн Рэнд нигде в своих воспоминаниях не говорит о Евпатории, не называет ни одной улицы, ни одной фамилии, ни одного адреса, хотя много рассказывает об этом периоде в жизни семьи. Скорее всего, это объясняется тем, что писательница, оказавшись в 1926 г. в США, опасалась за судьбу оставшихся в Союзе родственников, и поэтому вплоть до 1960-х гг. даже самые близкие не знали ее настоящей фамилии. Тем не менее, как явствует из интервью с Элеонорой Дробышевой (урожденной Розенбаум), младшей сестрой Алисы, интервью, включенного в книгу Скотта Мак-Коннелла “Сто голосов. Устная история Айн Рэнд”, – Розенбаумы жили в Евпатории⁶. Школьные документы Государственного архива в Автономной Республике Крым и Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга подтверждают, что семья Алисы Розенбаум проживала в Евпатории с начала 1919 г. и до завершения ею семилетнего образования 30 июня 1921 г.⁷.

Из книги Барбары Брэнден о жизни Розенбаумов в Крыму известно следующее. Семья жила здесь в основном за счет продажи ювелирных изделий Анны Розенбаум, которые удалось провезти в Крым. Зиновий Розенбаум сумел открыть в Евпатории маленький аптечный магазинчик. Именно в Крыму Алиса почувствовала в отце своего интеллектуального союзника. Она стала ближе к сестрам, особенно к Элеоноре. Жили Розенбаумы очень трудно, мерзли в маленьком сыром доме с плохим отоплением и поломанной старой мебелью. Чаще всего семья голодала и ходила в обносках, напуганная правящим режимом вне зависимости от того, были это красные или белые⁸.

Из биографической книги об Айн Рэнд следует выделить еще такой важный факт в евпаторийской истории семьи. Весной 1921-го, “апокалиптического”, года Алиса закончила школу. Летом добывать еду стало еще труднее. Анна Розенбаум, мама Алисы, решила пойти на работу учительницей. Алиса тоже начала преподавать в классе неграмотных крас-

ноармейцев, которых учила читать и писать. Она пришла на свое первое занятие, объятая страхом. Но, к ее удивлению, работа Алисе понравилась. Понравилось желание этих грубых мужчин научиться и честность, с которой они пытались это сделать. “Они обращались со мной как с учительницей – с благоговейным уважением, и я чувствовала себя в безопасности среди них”, – рассказывала писательница в своих интервью. Однако летом 1921 г. Зиновий Захарович решил, что семье нужно вернуться в Петроград. Айн Рэнд назвала это решение отца его самой большой ошибкой⁹.

К моменту переселения семьи Розенбаум в Евпаторию управление краем было передано правительству, которое возглавлял председатель Таврического земского собрания караим Соломон Самойлович Крым. “...На кабинет С. С. Крыма возлагались большие надежды. Как же – демократы, наследники славного Февраля!” – пишут крымские историки А. Г. и В. Г. Зарубины. “Петербуржскими ‘орлами’” в министерстве С. С. Крыма называли кадетов В. Д. Набокова и М. М. Винавера (кстати, Винавер был евреем, и во многом из-за присутствия евреев и караима С. С. Крыма многие белогвардейцы не доверяли этому правительству). Один из представителей земств и городов Юга России с трибуны съезда, организованного этой властью, обобщал так: “...здесь, в Крыму, посреди пылающего вокруг пожара гражданской войны, словно на каком-то счастливом острове, ‘Утопии’, создан свободный строй силами демократии, гарантирующий права всех граждан”¹⁰. К 1920 г. Крым, по мнению Зарубиных, “напоминает цыганский табор. Здесь – буржуа, служащие, интеллигенция, люмпены и всякого рода темные личности со всей России... Здесь собрались известные русские писатели и поэты... Здесь русские журналисты, актеры и киноактеры. Здесь очень много духовных лиц”¹¹.

По какой причине Розенбаум, успешный петроградский буржуа, разоренный большевиками, тоже оказался в Крыму? Почему, оставив Одессу, семья поселилась в Евпатории? Видели ли они тоже Крым “счастливым островом, Утопией”? Политические ли вожди Крыма этого периода (С. С. Крым, М. М. Винавер, В. Д. Набоков) внушали уверенность в крымском варианте спасения? Известно, что Алиса была одноклассни-

цей Ольги Набоковой (1903–1978) и, по мнению Д. Баргон Джонсона, даже близкой ее подругой. Были ли у семьи Розенбаумов родственники в Евпатории или старые знакомые по летнему отдыху? Существовала ли какая-нибудь связь между Розенбаумами и “петербургскими орлами”?

Архивные источники выявили в списках избирателей в Евпатории 1918 г. девять семей по фамилии Каплан. Осмелимся предположить, что с Евпаторией семью Розенбаум могло связывать родство по линии Каплан – дедушки Алисы по матери. Речь идет о Берко Ицковиче Каплане (1843–?) – портном, владельце крупного предприятия по пошиву военной формы в Санкт-Петербурге. Возможно, кому-то из упомянутых в избирательных списках Капланов принадлежал тот “двухэтажный дом с террасой”, где, по воспоминаниям Элеоноры Дробышевой, жили в Евпатории Розенбаумы.

В августе 1918 г. в Евпатории проживало около 35 400 душ населения¹². В числе общепользных учреждений в городе, по дореволюционным сведениям, были городской театр, общественная библиотека-читальня имени императора Александра II, Пушкинская аудитория, одна мужская и одна женская казенные гимназии, а также частная женская гимназия, одно высшее начальное училище, двадцать три разнородного типа училищ и Александровское караимское духовное училище¹³. Добавим, что здания многих этих учреждений были построены на средства караимских благотворителей, таких как М. И. Сарач, С. Э. Дуван и пр.

Зиновий Розенбаум сделал все возможное, чтобы даже в такое тяжелое для семьи время его дочери продолжили обучение и завершили гимназическое образование. По какой-то причине Алиса Розенбаум была определена в январе 1919 г. в Евпаторийскую женскую гимназию Министерства Народного Просвещения А. П. Рущинской и А. А. Миронович. Это было частное учебное заведение, обеспечивающее “все права для учащихся и учащихся”, что, безусловно, устраивало родителей. Алиса Розенбаум поступила в евпаторийскую гимназию в пятый класс на основании документов Санкт-Петербургской женской гимназии Стоюниной. Первого сентября 1919 г. она начала и 29 мая 1920 г. завершила здесь шестой класс. Решением педагогического совета Алису перевели в седьмой класс¹⁴. Приказом № 57 Крымревкома о перестройке работы

учебных заведений от 30 ноября 1920 г. седьмой класс был объявлен выпускным классом средней школы. 30 июня 1921 г. Алиса Розенбаум получила свидетельство об окончании “IV группы второй ступени школы № 4, семь классов бывшей земской гимназии”¹⁵.

Архивный документ ЦГА Санкт-Петербурга дает основание утверждать, что семья Розенбаум прожила в Евпатории еще один, 1920–1921-й учебный год. За это время Алиса завершила среднее образование, Наталья, вероятно, – четыре класса, а Нора – первый. Младшие дочери Зиновия Розенбаума почему-то учились в казенной женской гимназии, окна которой действительно, по утверждению Элеоноры Дробышевой, “выходят на гавань”. К началу 1917–1918-го учебного года до школ довели циркуляр Министерства народного просвещения от 31 августа за № 10100 “О всемерном облегчении учащимся Петроградских учебных заведений тех формальных трудностей, какие могут встретиться при перемещении в провинциальные учебные заведения”. Впервые в школьной практике также стал применяться § 5 Правил для учеников об отчислении из учебного заведения “за безвестную неявку на занятия”¹⁶. В 1919–1920-м учебном году в шестом классе женской гимназии А. П. Руцинской и А. А. Миронович, где училась Алиса, числилось 43 ученицы. 26 из них (60,5%) поступили сюда в революционные годы: в 1917 г. – 9 учениц, в 1918 г. – 11, и еще 6 человек, как и Алиса Розенбаум, – в 1919 г.

“Движение” учениц, т. е. прибытие и выбытие из гимназии, в эти годы было как никогда интенсивным. Много говорит о политической ситуации в стране и география этого “движения”. Новые ученицы прибыли в Евпаторию из Московской гимназии Шписс, Харьковской гимназии Левковец, Московского Елизаветинского института, Кинешемской гимназии, Харьковской Мариинской Александровской гимназии, гимназии Алферовой, Юрьевской гимназии города Пушкина, Петроградской Мушниковой, Симферопольской Станишевской, Царскосельской Мариинской, Петроградской Кротовой и Черкасской женской гимназии¹⁷.

В апреле 1919 г. в Советской России было прекращено преподавание Закона Божиего. Должность преподавателей этого предмета вывели за штат, а самих их уволили. “Для ознакомления учащихся со свершившим-

ся переустройством жизни” и разъяснения основных законов РСФСР вводили новые предметы: Советскую конституцию и политическую экономию, которым обучалась Алиса Розенбаум в 7 классе¹⁸.

По воспоминаниям Айн Рэнд, в Евпатории ее “учителями были старомодные процаристские дамы-монархистки, переживавшие восход коммунизма с мрачной покорностью”. Алиса вскоре стала интеллектуальным лидером класса. За то, что она приехала с образованного Севера, ее сообразительность “простили”. В евпаторийской гимназии “было молчаливое признание моего превосходства. У меня не было друзей, у меня не было подружек, но меня сразу посчитали ‘мозгом класса’, что меня весьма удивило”, – вспоминала она.

Больше всего нравились Алисе математика и логика. “Учитель математики был от меня в восторге. Когда я покидала школу, он сказал: ‘Будет преступлением, если ты не пойдешь в математику’. Я ответила только: ‘Этого недостаточно, чтобы сделать карьеру’. Я чувствовала, что это слишком абстрактно, что математика не имеет ничего общего с настоящей жизнью. Она мне нравилась, но я не хотела быть инженером или приобрести какую-либо еще техническую профессию”. Занятий по иностранной литературе в крымских школах не было, но Алисе эта литература очень нравилась, поэтому она ходила в “маленькую городскую библиотеку”, где брала книги французских писателей, например, Сирано де Бержерака и Виктора Гюго. Она читала и Жорж Санд, которая ей не понравилась: сентиментальная, романтическая феминистка.

Алиса заинтересовалась, как она напишет позднее, “героической концепцией человека”. Именно в Крыму она решила, что будет писать по-русски, но жить – в основном за границей. Сначала Алиса не собиралась жить в США. По ее словам, на уроках американской истории она узнала о Декларации независимости США, об американской государственной системе. В воспоминаниях Айн Рэнд говорила: “Для меня это было невероятно. Я видела Америку как страну индивидуализма, сильных людей, свободы и важных задач. Я подумала: это вид государства, который я считаю правильным”.

Таковы основные факты из евпаторийской школьной жизни писательницы, приведенные в книге ее биографа Барбары Брэнден¹⁹.

Социальная и экономическая ситуация в Крыму, “переполненном беглецами от коммунизма”, была крайне тяжелой в то время, когда здесь жила семья Розенбаум. Финансовая система пришла в расстройство. Денежные знаки обесценились. Они стоили дешевле, чем сама бумага, на которой печатались деньги. Коммунальное хозяйство было в полном упадке. Не действовали водопровод и электростанции, улицы утопали в грязи²⁰.

По воспоминаниям Айн Рэнд, к 1920 г. пачка сигарет стоила 1 млн. рублей. Морозной зимой этого года были проблемы с подачей воды и практически не было топлива для отопления. Буйствовала холера, и люди ходили с бритыми головами, чтобы бороться со вшами. Это было время Гражданской войны, время болезней, голода и политических репрессий. Отдел Управления Евпаторийского ревкома обнародовал следующее: на 1 декабря 1920 г. в Евпатории проживало 950 лиц, служивших в гражданских учреждениях Врангеля, 1105 беженцев, 206 лиц иностранноподданных и “пока 210 человек нетрудового элемента (!)”²¹. Несомненно, в число этих 210 входил и З. Розенбаум – при условии, что он выполнил требование новой власти и зарегистрировался. Именно для работы с этой категорией людей был организован специальный подотдел принудительных работ при отделе управления Евпаторийского ревкома. В обязанности его сотрудников входила работа с лицами нетрудового класса обоего пола от 18 до 45 лет. Это были “все бывшие помещики, фабриканты, заводчики, торговцы, все пользовавшиеся наемным трудом”.

Так, 12 декабря 1920 г. в подотдел принудительных работ должны были явиться лишенцы-беженцы по фамилии, начинающейся на следующие буквы: Р, С, Т, У, Ф, Х – а значит, среди них и Зиновий Розенбаум. Объявили, что в этом отделе управления им выдадут особые карточки. Нарушивших требование власти должны были карать по законам военного времени.

13 декабря 1920 г. в Евпатории начали раздавать населению хлебные карточки. Все жители города были распределены по трем категориям:

категория “А” – взрослое население города, занятое физическим трудом;

категория “Б” – безработные, домашние хозяйки, служащие учреждений, занятые умственным трудом;

категория “В” – все остальные горожане²².

Вера Никитична Афанасьева была реальной учительницей в 4-й Советской школе г. Евпатория (той самой, которую закончила Алиса Розенбаум). Из регистрационной карточки В. Н. Афанасьевой, выданной ей в октябре 1921 г., видно, что ее трудовой паек составлял: 3/4 фунта хлеба (1 фунт = 450 г), 1/2 фунта сахара, 1 фунт соли и 10 фунтов овощей²³. Конечно, Розенбаум, как нетрудовой элемент, мог рассчитывать только на категорию “В”, и его семье было особенно трудно выжить в это время. Засуха весны-лета 1921 г. привела к голоду. Крым потерял 20% своего населения²⁴. В марте в Евпаторийском округе голодало 37 тысяч человек. В Евпатории было зарегистрировано 250 голодных смертей, что составляло 80% от общего количества умерших²⁵. Тем не менее развернутая большевиками мощная идеологическая кампания по ликвидации безграмотности давала грамотным людям какую-то возможность заработать хлебную карточку педагогическим трудом.

В январе 1921 г. была создана Крымская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Через квартальные комитеты она производила в городах учет грамотного, полуграмотного и неграмотного населения, создавала сеть ликвидационных пунктов и школ для малограмотных. Для этой категории населения посещать школу грамоты стало обязательной трудовой повинностью. Для учеников таких школ рабочий день сокращался на 2 часа с сохранением заработной платы. Уклонявшихся от обучения в школах грамоты могли перевести на низшую продовольственную категорию и предать суду как трудовых дезертиров²⁶. Вышестоящее крымское начальство в марте 1921 г. предписывало “труд преподавателя ликбеза оплачивать за час ежедневных занятий” и определило сумму почасовой оплаты учителя дифференцированно, в зависимости от города. В Евпатории час занятий “стоил” 300 рублей²⁷. Уже к началу декабря 1920 г. в Евпатории открылось 6 пунктов – специальных школ для взрослых и подростков: неграмотных, полуграмотных и грамотных, но желающих пополнить свое образование²⁸. На уездном съезде ревкома 14 декабря 1920 г. руководитель Евпаторийского наробра-

за товарищ Уйск безапелляционно объявил: “Для обучения неграмотных будут привлечены сотрудники в порядке трудовой повинности”²⁹.

Анну Борисовну Розенбаум к этой работе не пришлось привлекать силой. Спасительная хлебная карточка стала главным мотивом ее педагогической деятельности. Филолог и культуролог Александр Эткинд утверждает, что во всем творчестве Айн Рэнд очевидны идеологические уроки русской революции, и первые ее произведения, “Мы живые” и “Гимн”, “посвящены переработке болезненного российского опыта”³⁰. С этим нельзя не согласиться. Безусловно, бурная политическая жизнь Евпатории в это время активно подпитывала рано пробудившийся в Алисе Розенбаум интерес к политике.

Два с половиной года жизни здесь дали будущей писательнице ярчайшие и нагляднейшие картины того, как в Крыму реализовывался главный догмат коммунистической доктрины – отрицание частной собственности: того, как повсеместно и беспощадно граждан ее лишали. Розенбаумов, бежавших осенью 1918 г. из Петрограда, большевики все же нагнали – в ноябре 1920 г. в Евпатории. В ночь с 13 на 14 части Латышской советской дивизии заняли город, и новая власть немедленно приступила к воплощению главных постулатов коммунизма, чтобы и здесь утвердиться навсегда. А так как политические процессы в Крыму задержались, большевики вынуждены были форсированно вводить здесь свои партийные декреты. Так Розенбаумы дважды оказались свидетелями большевистского переустройства жизни: в столичном Петрограде и в провинциальной Евпатории.

Большевистская пресса стала рупором пришедшей к власти политической силы. Сегодня трудно судить, насколько эффективно “работала” приведенная ниже информация, насколько исполнялись приказы и просто требования советских руководителей Крыма и Евпатории. “Все будет нашим!” – таков заголовок одного из материалов новой газеты “Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевики)” (№ 19 от 08.12.1920). Кажется, именно с этим лозунгом на знамени власть стремительно и безоглядно действовала в Евпатории сразу после своего утверждения в городе. Только полмесяца понадобилось ей, чтобы

начать осуществлять последовательную политику национализации. Дачи, находившиеся около Евпатории, объявили достоянием трудового народа, необходимым для организации санаторно-курортного лечения³¹. Коммунальный отдел с напряжением ожидал от Ревкома разрешения немедленно национализировать городские парикмахерские³². Кинокомитет Евпатории национализировал кинотеатры “Модерн” и “Наука и Жизнь”, которые тут же переименовал в “I Советский народный” и “II Советский народный” кинотеатры³³. Декабрь 1920 г. стал временем регистрации всего и вся, как бы реализуя на практике мысль вождя, что “социализм – это учет”.

Владельцев пишущих машинок грозили привлечь к суду ревтрибунала, если они не станут на учет. Совнархозам предписывалось подсчитать запасы спирта и фруктов³⁴. По законам военного времени новая власть могла судить владельцев магазинов, а также частных лиц, имеющих швейные машины, если они не регистрируются в трехдневный срок³⁵. Также в течение 3-х дней со дня публикации приказа № 30 от 15.12.1920 по отделу народного образования все лица, “у коих имеются фотографические аппараты, части их, фотографические принадлежности и материалы”, должны были представить подробные списки во внешкольный подотдел наробраза³⁶.

10 декабря Евпаторийский уездный военный комиссариат потребовал, чтобы все частные лица в трехдневный срок явились с письменным обозначением следующих предметов: велосипедов, футбола, турников, параллельных брусьев, шестов, “кобыл” для прыганья, гирь, фехтовальных шпаг и масок, дисков для метанья, принадлежностей для лаун-тенниса и крокета – чтобы и их взять на учет. Евпаторийцам предписывалось сдать в трофейную комиссию лошадей, конское снаряжение, повозки, коляски, военное имущество³⁷. Подотдел дошкольного образования к началу декабря взял на учет армянскую библиотеку, библиотеку караимского общества и склад караима Аваха³⁸. Приказ по отделу народного образования № 30 от 15 декабря 1920 г. предписывал всем лицам, имеющим значительное собрание книг (начиная от 100), не позже 18 декабря представить во внешкольный подотдел наробраза подробную опись всей своей библиотеки, но оговаривалось: “В нужных случаях бу-

дут выданы охранные грамоты”. Под угрозой конфискации евпаторийцы должны были сдать под расписку в бывшую городскую публичную библиотеку книги, принадлежащие бежавшей “буржуазии”³⁹. В то же время местный отдел Крым-Роста потребовал от жителей сдать издания (газеты, журналы и т. д.) времен Деникина и Врангеля независимо от их количества⁴⁰.

Для учета и охраны художественных ценностей все граждане Евпатории, имевшие картины, статуи, гравюры, ковры, коллекции старинных вещей, музыкальные инструменты всех видов и нотные библиотеки, были обязаны в пятидневный срок зарегистрировать их в подотделе искусства и получить печатные охранные квитанции. Неисполнение сего влекло ответственность виновных по закону Советской Республики⁴¹. До 18 декабря 1920 г. включительно заканчивалась регистрация музыкальных инструментов и нот, позже, грозила власть, незарегистрированные инструменты и ноты будут реквизированы⁴². Согласно приказу № 138 Крымревкома от 18 декабря о национализации аптек и медико-фармацевтического имущества, в Крыму оно стало народным достоянием⁴³.

Так что имущество аптечного магазинчика, приобретенного Зиновием Розенбаумом в Евпатории, тоже национализировали, и средств к существованию для его семьи не осталось никаких. “Известия” № 25 от 15.12.1920 г. опубликовали приказ военно-революционного комитета о создании комиссии “по сбору белья с буржуазии”⁴⁴. Да, был и такой приказ. В этих распоряжениях большевиков выразились намерения новой власти. А практика их реализации была порой смелее самой смелой фантастики.

В начале 1921 г. красное правительство Крыма объявило Неделю бедности. Солдаты ходили из дома в дом и забирали излишки, если у кого-то было “слишком много” вещей. “Некоторые люди оставались только в той одежде, что была на них”, – вспоминала Айн Рэнд. Когда солдаты ворвались в дом Розенбаума, они забрали единственную “ценную” вещь, которая осталась, – несколько кусков мыла⁴⁵. Во время этой Недели отец алисиной одноклассницы был арестован и расстрелян. Его тело нашли на берегу моря. Из всего того, что солдаты награбили в доме его семьи, в каждую школу направили по комплекту одежды для учениц.

Девочки тянули лотерейный билетик-жребий, чтобы решить, кто получит поношенную одежду.

Айн Рэнд вспоминает: “Я не могу вам выразить весь ужас, который почувствовала, когда мой класс получил платье, принадлежавшее дочери расстрелянного человека. Несчастливая девочка сидела за партой как онемевшая, молча глядя, как ее платье показывали всему классу. Никто из девочек не хотел брать это платье; они отказались тянуть жребий. Но одна ‘социально настроенная’ девочка сказала, что она хочет платье, что у нее есть на это право, что она бедна и ее одежда рваная. Она взяла это платье”⁴⁶.

Евпаторийцам были еще памятни январь 1918 г. и революционные действия товарища председателя Евпаторийского военного революционного комитета Матвеева, “делегированного в город Евпаторию и уезд для взыскания надбавочной платы сельскохозяйственным рабочим”. Он имел право “на самые крайние меры к уклоняющимся от конфискации ценностей и движимого имущества, вплоть до ареста”. Удостоверение Матвеева предписывало всем должностным лицам и гражданам оказывать ему всяческое содействие в конфискации⁴⁷. Тогда у зажиточных жителей Евпатории изымались серебряные молочники, кольца и серьги, денежные чеки и т. д.

В будущем один из шести постулатов философии объективизма Айн Рэнд сформулирует так: единственная задача государства – обеспечивать неприкосновенность частной собственности и прав индивида. Все остальное – узурпация власти. Несомненно, между идеями писательницы и ее жизнью в Крыму, теориями советской эпохи, практикой большевиков на полуострове – самая прямая связь.

2.

“Крым у истории отвела мрачную роль – первому открыть ужаснейшую страницу Гражданской войны – красную страницу массового террора”, – утверждают историки Зарубины⁴⁸. Вместе с крымчанами довелось перевернуть эту страницу и будущей писательнице Айн Рэнд.

Евпатория долго жила отголосками трагических событий зимы 1917 г. Вооруженные столкновения в городе начались в 20-х числах дека-

бря. А 13 января нового 1918 года был убит председатель Евпаторийского совета рабочих и солдатских депутатов Давид Львович Караев (1882–1918). Кем убит – неизвестно и сегодня. Это событие получило такую политическую окраску, что Евпаторию даже собирались переименовать в город Караев. А ретивые евпаторийские революционеры в своих документах уже писали обращения в “Караевский военно-революционный комитет”⁴⁹. Кроме того, смерть большевика-еврея Давида Караева спровоцировала целую череду кровопролитных эксцессов.

М. Кизиллов отмечает: “В связи с общим ослаблением государственной власти положение евреев значительно ухудшилось, а неконтролируемый антисемитизм и погромные настроения, наоборот, возрастали. С 1917 года по 1920 год Крымская Иудея вступает в самый тяжелый период невзгод, погромов, голода и страданий”⁵⁰. Позже Айн Рэнд скажет, что власть в Крыму менялась шесть раз. Летом 1919 г. большевики в очередной раз ушли из города, и пришли белые во главе с главнокомандующим Вооруженными силами Юга России А. И. Деникиным. Они сразу же включились в расследование злодеяний большевиков, чтобы выявить “перед лицом всего культурного мира разрушительную деятельность организованного большевизма”. Еще в апреле 1919 г. Главнокомандующий создал Особую комиссию, работавшую на основе последнего в России Устава уголовного судопроизводства Российской империи (1914 г.). Она имела право вызывать и допрашивать потерпевших горожан и свидетелей, производить осмотры, обыски и другие следственные действия.

Дело № 56 Особой комиссии было посвящено злодеяниям большевиков в Евпатории⁵¹. Безусловно, горожане знали о работе комиссии. Слышали об этом, конечно, и Розенбаумы. Дело № 56 описывало события, получившие название “Варфоломеевской ночи” в Евпатории. После убийства 13 января 1918 г. Давида Караева вечером 14 января к Евпатории подошли военные суда “Труводор” и “Румыния” с матросами Черноморского флота и рабочими севастопольского порта на борту. По указанию евпаторийских большевиков вооруженные матросы три дня с утра до позднего вечера производили в городе аресты и обыски.

Было арестовано свыше 800 человек. За 15, 16, 17 января на “Труводоре” и “Румынии” убили и утопили не менее 300 человек. Деникинская

комиссия отмечала зловещую роль в “Варфоломеевской ночи” евпаторийских большевиков: семьи Немичей, Николая Демышева, Василия Матвеева и других. Как и декабрьские события 1917 г. в Севастополе, “Варфоломеевская ночь” имела большой общественный резонанс. Стало ясно, что непоколебимые моряки Черноморского флота оказались главной репрессивной силой большевизма в Крыму. В двух номерах газеты “Новая Жизнь” (№ 51 (266) и № 59 (274)) за 1918 г. на эти события отозвался “Несвоевременными мыслями” Максим Горький, осудивший массовые убийства “нескольких сот грамотных людей в Севастополе, в Евпатории”⁵².

А в ноябре 1920 г. евпаторийцы, включая семью Алисы Розенбаум, стали свидетелями того, как возвратившиеся в город большевики тут же организовали комиссию по увековечению памяти своих однопартийцев, погибших от рук белых. Через свою газету они обратились с просьбой ко всем, кто может указать места погребения жертв белогвардейцев, “доставить сведения в комиссию” по адресу Пушкинская, 13⁵³. “Коммунисты – злодеи, а послереволюционная Россия – кладбище”, – жестко обобщит свой печальный российский опыт Айн Рэнд.

Некоторые реалии крымской жизни будущей писательницы попали в ее первый роман “Мы живые”. Его главная героиня – Кира Аргунова, ровесница Алисы Розенбаум. Как и семья Розенбаумов, ее семья покинула Петроград осенью 1918 г., после того, как их текстильная фабрика была национализирована. Как и прототипы персонажей романа, семья бывших “буржуев” отправилась в Крым, “чтобы там дожидаться освобождения столицы из-под красного ярма”. Аргуновы “рассматривали свою поездку как неприятное, но короткое недоразумение” и рассчитывали вернуться в Петроград весной, однако прожили в Крыму четыре года.

В тексте романа назван один крымский топоним – Ялта, где, по замыслу автора, и проживали ее герои. Аргуновы жили “в перенаселенных летних лачугах, где пронизывающие крымские ветры⁵⁴ свистели в дырявых каменных стенах; чай с сахарином и луковицы, поджаренные на льняном масле; ночные обстрелы и кошмарные рассветы, когда только по красным флагам и трехцветным знаменам на улицах можно было понять, в чьи руки перешел город”⁵⁵.

Конечно, юной дворянке Кире Аргуновой, жившей в столице России в собственном гранитном доме на Каменноостровском проспекте, лачугой может показаться любой не экспроприированный дом в Крыму. Очень похоже вспоминала о Евпатории сама Айн Рэнд: “Мы жили практически как на поле битвы. В конце концов мы начали голодать. Практически нельзя было найти еду. Наконец мы ели только просо. Мать настаивала на том, чтобы мы доставали сырой лук, который она жарила на льняном масле. Цинга стала к тому моменту ужасной проблемой, и мать считала, что лук предотвратит ее”⁵⁶.

Кира наизусть помнит указ комиссара народного образования по вопросу системы ликбеза и, как таблицу умножения, отвечает на экзамене в экскурсионном центре, где служит по возвращении в Петроград: “Просвещение широких масс рабочих и крестьян – наша основная задача”. Мама Киры тоже связана со школой, как и Анна Борисовна Розенбаум, получившая свой первый педагогический опыт в Евпатории. Вернувшись в Петроград, она тоже устроилась во 2-ю школу рабочей молодежи Володарского района⁵⁷.

Эти биографические реалии евпаторийского периода легко обнаруживаются в романе. Можно смело утверждать, что Кира Аргунова – трансформированное второе “Я” Айн Рэнд. Уже в первом произведении писательницы она транслирует идеологию автора: высокомерно пренебрегает требованиями общества и провозглашает рационализм наивысшей добродетелью человека.

Не только южный загар стройных ног Киры Аргуновой, стоявшей на подножке вагона, говорил, что в 1922 г. в родной Петроград она вернулась именно из Крыма. Ее семье удалось выехать в пассажирском вагоне 3-го класса и занять столик у окна, и “этот стол был центром купе, а Кира – центром внимания пассажиров”. Надменное спокойствие юной девушки со взглядом воина вызывало раздражение у многих попутчиков. Но очень скоро даже им начинало казаться, что этот столик – пьедестал для Киры, которая много пережила в Крыму и открыла для себя что-то очень важное.

В благополучные детские годы героиня романа предпочитала одиночество кругу ровесников, чувствуя себя при этом “полновластной импе-

ратрицей”: “Когда она отказалась играть с калекой-родственником, которого добросердечие семьи превратило во всеобщего любимца, ее больше никогда не просили об этом”. Кира “вышвырнула из окна первую же книжку о доброй фее, награждающей бескорыстную маленькую девочку”. Однажды семья взяла ее в церковь – и та тайком покинула храм, так что больше Киру с собой туда не брали. “Она карабкалась на пьедесталы статуй в парках, чтобы поцеловать холодные губы греческих богов”. В крымской школе во время коллективного бойкота одноклассницы, к которому она отказалась присоединиться, Кира доходчиво объяснила всем свою позицию: “Я не за нее, я против двадцати восьми остальных”.

Айн Рэнд рассказала Барбаре Брэнден, что одно событие повлияло на ее мышление до конца жизни. Одна девочка, очень симпатичная, но глупенькая, пришла к Алисе, потому что не могла решить геометрическую задачу. “Я тщательно объяснила ей это задание, я показала ей все выводы. Я поняла, что она не могла запомнить эти выводы сама – я должна была показать ей каждую ступень. Девочка изумленно сказала: ‘Почему учителя не объясняют так, как ты?’”⁵⁸. После этого Алиса пришла к выводу, что можно развить интеллект и заставить его работать, если знаешь, как подать материал правильно. Вопрос логики и чистоты мысли стал для нее принципиально важным. После Крыма Айн Рэнд знала, что “в нас есть нечто, к чему не должны прикасаться никакое государство, никакой коллектив, никакие миллионы”.

Вот контур характера будущей властительницы умов, автора философской концепции, в основе которой лежат принцип свободы воли, главенство рациональности и нравственность разумного эгоизма. Этот характер, получив крымскую прививку, станет фантастической личностью – американской писательницей Айн Рэнд.

В романе “Мы живые” над кроватью кириной сестры висела икона, а над кириной – изображение американского небоскреба. Девушка мечтала покинуть Советскую Россию. Ее друг Лео, сын расстрелянного царского адмирала, сделал неудачную попытку перейти с ней границу России. К этой же мысли – бежать от большевиков – пришел друг Киры Андрей Таганов, следователь ГПУ, истинный “сын революции”. Так, по мысли автора, Человек протестует против Государства. Книгой “Мы жи-

вые” Айн Рэнд публицистически страстно выразила свое отношение к советскому строю.

Ей не приходилось ничего выдумывать, рассказывая о бегстве гражданских и военных после прихода к власти большевиков. На ее глазах из Евпатории и всего Крыма бежали тысячи знакомых и незнакомых людей. В Евпатории в четверг 11 ноября 1920 г. белые войска получили приказ о приготовлении к эвакуации из города. “В ночь на 12 ноября морская контрразведка даже погрузилась на пароход”, – могла прочитать семья Розенбаум позже в евпаторийской газете от 17 ноября 1920 г. Но вскоре пришло сообщение, что обстановка изменилась, и вещи возвратили в Петроградскую гостиницу. Однако в пятницу 12 ноября в город прибыло шесть пароходов. К вечеру стало известно, что войска Врангеля оставили Ишунь, и поступил новый приказ немедленно уходить из Евпатории, так что “на скорую руку началась эвакуация”.

Именно из евпаторийского порта в 23 часа 13 ноября 1920 г. первые корабли с “крымскими контрреволюционерами” вышли в море и взяли курс на Константинополь. Ссылаясь на французскую прессу, евпаторийская газета позже сообщила, что “к 22 ноября в Константинополь прибыло 140 000 крымских беженцев, из них военных не менее 29 000”⁵⁹. Розенбаумы могли знать и то, что министр юстиции второго Крымского краевого правительства в 1918–1919 гг. В. Д. Набоков с семьей еще 15 ноября 1919 г. покинул Крым на греческом судне “Надежда”⁶⁰.

Семье Розенбаумов пришлось задержаться в Евпатории до лета 1921 г., пока дочери не закончили учебный год в школе. Как для Набокова, который за свое недолгое пребывание в Крыму фактически созрел и сформировался во взрослую, самостоятельно мыслящую личность⁶¹, так и для Айн Рэнд это время определило ее дальнейшую жизнь. Прожив здесь не так много, всего два с половиной года, именно в Крыму она полностью сложилась как личность.

Из книги Б. Брэнден явствует, что здесь Алиса приняла несколько главных решений в своей жизни: решила, что будет писательницей, почувствовала, что талантливее всех остальных своих соучениц, начала вести дневник, где делала самые крамольные записи. Перед поездкой обратно в Петроград Алиса сожгла дневник. Она знала, что если этот

документ с еретическими мыслями будет найден в Петрограде, ее могут посадить. Трудно даже представить, что было в этом евпаторийском дневнике 16-летней барышни! Б. Брэнден утверждает: “Прокладывая путь в школу через лужи грязи, против пронизывающего крымского ветра, в тонких залатанных башмаках и в перекроенной летней куртке ее матери, она сформулировала свою концепцию индивидуализма. Сформировались также сущность ее системы ценностей и ее характер. Она чувствовала, что повзрослела. Решение стать писателем уже не было вопросом неопределенного будущего; это решение стало немедленным, неотложным вопросом”⁶².

Как свидетельствует выписка из домовой книги, будущая писательница Айн Рэнд вместе с семьей прибыла в Петроград к августу 1921 г., причем Розенбаумы вернулись туда же – на Невский проспект, переименованный к тому времени в проспект 25 Октября, в дом № 120. Правда, в феврале 1923 г., согласно удостоверению, которое выдал Анне Борисовне Розенбаум управдом, она проживала с Алисой уже в Дмитровском переулке. 24 августа 1921 г. Алиса Розенбаум подала прошение ректору Петроградского университета о зачислении; 2 октября 1921 г. значится в ее матрикуле как дата зачисления в университет⁶³.

Итак, в неполные 17 лет она стала студенткой петроградского учебного заведения. Завершив университет, в 1925 г. Алиса Розенбаум по счастливой случайности попадет в Америку, чтобы там стать писателем и рассказать о нелюбимой родине, а позже – создать свое главное произведение “Атлант расправил плечи”, которое объяснит многие идеологические ошибки тоталитарного общества. Повторим еще раз, что именно крымский, евпаторийский, период ее биографии стал тем краеугольным камнем, на котором позднее было построено монументальное здание авторской философской концепции Айн Рэнд.

Приложение. Копия свидетельства о рождении Алисы Розенбаум⁶⁴.

Р.С.Ф.С.Р.

Отдел Управления Петроградского совета.

—

Столичное отделение.

Записей актов гражданского состояния.

—

13²⁰ Августа 1921 г.

№ 5064

Петроград, Площадь Урицкого 6

Телефон 13-50

Адрес для телегр. "Столич[...]⁶⁵"

Свидетельство.

Выдано сие свидетельство с приложением печати, в том, что в метрической книге о родившихся евреях города Петрограда за 1905 год, в статье под № 8 записано: у провизора Зельмана Вольфа Зораховича⁶⁶ Розенбаум и законной его жены Ханы Берковны (оно⁶⁷ же Анна Борисовна) родилась дочь Алиса 20²⁰ января (27²⁰ швата) и молитвована того же числа 1905 г.

Печать

Заведывающий⁶⁸ Под'отделом Загс:

(подпись)

Архивариус: (подпись)

¹ Авторы благодарят всех, кто способствовал исследованию данной темы: сотрудников Государственного архива в Автономной Республике Крым, Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга, Генерального консульства Российской Федерации в Симферополе, Евпаторийского краеведческого музея, а также Ю. Е. Березкина и А. И. Хаеша (Санкт-Петербург, Россия), К. И. Финкельштейна (Бостон, США).

- ² Бартон Джонсон Д. Странные соседи: Эйн Рэнд и Владимир Набоков // Звезда. 2001. № 4. С. 200.
- ³ Там же. С. 202.
- ⁴ Мусатов В. “В то время я гостила на земле...”. Лирика Анны Ахматовой. Москва, 2007. С. 201.
- ⁵ Branden B. The Passion of Ayn Rand. New York, 1987. Pp. 29–30.
- ⁶ McConnell S. 100 Voices: an Oral History of Ayn Rand. New York, 2010. P. 6.
- ⁷ Государственный Архив Автономной республики Крым (ГААРК). Ф. 726. Оп. 1. Д. 46, 60; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 5. Д. 3576.
- ⁸ Branden B. The Passion of Ayn Rand. Pp. 30–31.
- ⁹ Там же. Pp. 37–38.
- ¹⁰ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Симферополь, 2008. С. 447–448.
- ¹¹ Там же. С. 550.
- ¹² ГААРК. Ф. 681. Оп. 1. Д. 772. Л. 16.
- ¹³ Спутникъ по городу Евпаторіи (Листая пожелтевшие страницы). Издание городской управы. Евпаторія, 1916. С. 7.
- ¹⁴ ГААРК. Ф. 726. Оп. 1. Д. 60. Л. 8.
- ¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 5. Д. 3576. Л. 4.
- ¹⁶ ГААРК. Ф. 725. Оп. 1. Д. 103. Л. 31 (об.).
- ¹⁷ ГААРК. Ф. 726. Оп. 1. Д. 60.
- ¹⁸ ГААРК. Ф. 725. Оп. 1. Д. 103. Л. 85.
- ¹⁹ Branden B. The Passion of Ayn Rand. Pp. 31–38.
- ²⁰ Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921 (краткий исторический очерк). Симферополь, 1992. С. 5.
- ²¹ Так дословно писала евпаторийская газета: Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевиков). 3.12.1920. № 16.
- ²² Там же. 9.12.1920. № 20.
- ²³ Информацию предоставил внук В. Н. Афанасьевой К. И. Финкельштейн.
- ²⁴ Весь Крым. 1920–1925. Юбилейный сборник. Издание Крымчика. Симферополь, 1926. С. VI.
- ²⁵ Евпаторийский краеведческий музей. Вестник музея. 2009. Вып. 6. С. 42.
- ²⁶ ГААРК. Ф. P-2717. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
- ²⁷ ГААРК. Ф. P-2717. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.
- ²⁸ Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. 07.12.1920. № 18.
- ²⁹ Там же. 14.12.1920. № 24.
- ³⁰ Эткинд А. Из измов в демократию: Айн Рэнд и Ханна Арендт // Знамя. 2000. № 12. С. 165.

- ³¹ Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. 07.12.1920. № 18.
- ³² Там же. 4.12.1920. № 17.
- ³³ Там же. 1.12.1920. № 14.
- ³⁴ Там же. 2.12.1920. № 15.
- ³⁵ Там же. 8.12.1920. № 19.
- ³⁶ Там же. 17.12.1920. № 1 (“Официальный отдел”).
- ³⁷ Там же. 12.12.1920. № 23.
- ³⁸ Там же. 04.12.1920. № 17.
- ³⁹ Там же. 17.12.1920. № 1 (“Официальный отдел”).
- ⁴⁰ Там же. 7.12.1920. № 18.
- ⁴¹ Там же. 1.12.1920. № 14.
- ⁴² Там же. 17.12.1920. № 1 (“Официальный отдел”).
- ⁴³ Ревкомы Крыма. С. 167–168.
- ⁴⁴ Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. 15.12.1920. № 25.
- ⁴⁵ Branden В. The Passion of Ayn Rand. P. 37.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ГААРК. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.
- ⁴⁸ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. С. 264.
- ⁴⁹ ГААРК. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 2. Л. 261.
- ⁵⁰ Кизиллов М. Б. Крымская Иудея. Симферополь, 2011. С. 289.
- ⁵¹ См.: http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/krasnyjterror1.txt_with-big-pictures.html
- ⁵² Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). Москва, 1990. С. 129.
- ⁵³ Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. 12.12.1920. № 23.
- ⁵⁴ Скорее всего, автор завуалированно или автоматически описывает евпаторийские февральские ветра. Так может “пронизывать” ветер степного района, а не предгорный в Ялте.
- ⁵⁵ Для данной статьи мы пользовались стандартным американским изданием Rand A. We the Living. New York, 1996. Тем не менее для удобства читателей цитаты из романа мы приводим в доступном в сети Интернет переводе Д. Костыгина.
- ⁵⁶ Branden В. The Passion of Ayn Rand. P. 30.
- ⁵⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 5. Д. 3576. Л. 21.
- ⁵⁸ Branden В. The Passion of Ayn Rand. P. 32.
- ⁵⁹ Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. 7.12.1920. № 18.
- ⁶⁰ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. С. 408.
- ⁶¹ О крымском периоде в жизни Набокова см.: Field A. Nabokov: His Life in Part. London, 1977; Boyd В. Vladimir Nabokov: The Russian Years. London, 1990; Бойд В. Владимир Набоков. Русские годы. Санкт-Петербург, 2001; Кизиллов М. “Я бесконечно благодарен Соломону Самойловичу...” Евреи, Крым и крымские караймы в жизни и творчестве В. В. Набокова // Параллели. 2009. № 10–11. С. 161–178; Кизиллов М. “Надежда, я вер-

нусь!» Крым и крымские караимы в жизни и творчестве В. В. Набокова // Историческое наследие Крыма. 2009. № 24. С. 133–140.

⁶² Branden B. The Passion of Ayn Rand. P. 38.

⁶³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 5. Д. 3576. Л. 6, 22, 2, 13.

⁶⁴ По факсимильной копии документа, опубликованного в Britting J. Ayn Rand. New York, 2004. P. 2.

⁶⁵ Неразборчиво.

⁶⁶ Вряд ли дед Алисы Розенбаум носил редкое имя Зорах/Зарах, типичное для галицийских караимов; скорее всего, следует читать «Захаровича».

⁶⁷ Так в оригинале документа.

⁶⁸ Так в оригинале документа.

Abstract

Ludmila Nikiforova, Mikhail Kizilov. Crimean Period in the Biography of the American Writer, Ayn Rand (Alisa Rosenbaum).

The article is dedicated to the Crimean period in the life of Alisa Zinov'evna Rosenbaum (1905–1982), more known by her pen name, Ayn Rand. The article is largely based on archival data discovered in the Russian and Crimean archives, rare periodicals published in the Crimea from 1917 to 1920, and on the memoirs of Ayn Rand and people who knew her during her life-time. In Autumn 1918, the Rosenbaums left their house in Petrograd in order to find a shelter from the Russian revolution in the south, which was still in the hands of the White Army. Having spent some time in Odessa at the beginning of 1919 they moved to Eupatoria in the Crimea, where they stayed until Summer 1921. There Alisa Rosenbaum, the future Ayn Rand, graduated from local high school № 4 and for a while worked as a Russian language teacher for illiterate Red Army soldiers. In spite of the fact that the position of the Rosenbaums in Eupatoria was rather miserable from the economic standpoint, the authors of the article argue that it was the stay in the Crimea that shaped Alisa Rosenbaum's worldviews, which later became basis for her future career of a writer and philosopher.

Алиса Розенбаум (Айн Рэнд) вместе со своим выпускным классом. Евпатория, школа № 4, 1921 г. (А. Розенбаум первая слева в нижнем ряду). Фотография печатается с любезного разрешения Ayn Rand Institute.

Евпаторийский городской трамвай начала 1920-х гг. Поворот на улицу Гоголя. На заднем плане – здание городского театра. Открытка.

Дом Погоржельской на улице Гоголя, который арендовала гимназия А. П. Руцинской. Современный вид. Фото Е. Г. Никифорова.

Улица Дувановская в центре Евпатории, названная так в честь городского головы, известного благотворителя караима С. Э. Дувана. 1918–1920 гг. Фото К. Афанасьева.

Рейсовый автобус Евпатория–Симферополь. 1915–1918 гг.
Фото К. Афанасьева.

Политическая демонстрация на ул. Дувановской. 1917 г.
Фото К. Афанасьева.

Открытка начала XX века. Двухэтажное здание с окнами справа, на заднем плане – гимназия Руцинской. Здесь училась юная А. Розенбаум.

Присяга евпаторийского гарнизона Временному правительству на Соборной площади. Март 1917. Фото К. Афанасьева.